

ФРАГМЕНТЫ БУДУЩИХ КНИГ

Возникновение социологии в России по времени почти совпало с подготовкой и проведением реформ 1860-х годов. Сама ситуация преобразований и трансформаций, которую переживало российское общество в середине XIX в., дала толчок бурному развитию социологической мысли в нашей стране и обусловила высокий общественный интерес к этой сфере научной деятельности. От "науки об обществе" ждали большего, нежели беспристрастного анализа социальных фактов. От нее ждали практических рекомендаций, ответов на вопрос "что делать?". Мало было указать источники и движущие силы социальных изменений, нужно было дать "научное" обоснование тех или иных путей преобразования страны. И очень часто для самих социологов и социальных мыслителей той эпохи роль ученого оказывалась второстепенной, а на первое место выходила роль публициста, политика, общественного деятеля, идеолога того или иного политического движения. Наиболее ярко связь между политикой и наукой, между программой общественного движения и социологической теори-

ей проявилась в работах тех авторов, кто симпатизировал, поддерживал или непосредственно участвовал в революционном движении второй половины XIX — начала XX вв. Одной из центральных проблем, которую они стремились решить, была проблема источников, движущих сил и механизмов социальных изменений. Большинство социальных мыслителей, тяготевших к так называемому радикальному лагерю, разделяли мнение, что основополагающим фактором социального развития является фактор субъективный — деятельность активного меньшинства.

В предлагаемом вниманию читателей фрагменте из книги кандидата социологических наук Н. К. Орловой "На стыке политической борьбы и социальной теории: российские концепции активного меньшинства второй половины XIX — начала XX вв." (ее выпуск в свет планирует издательство "Academia") рассматриваются модели реализации социальных изменений в концепциях активного меньшинства. Эти модели могут быть использованы для описания событий и в наши дни.

Н. К. Орлова
НА СТЫКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ И
СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ: РОССИЙСКИЕ КОНЦЕПЦИИ
АКТИВНОГО МЕНЬШИНСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

Активное меньшинство можно определить как социальную группу, в которой зарождается идея социальных изменений и члены которой предпринимают практические шаги по реализации этих изменений, не опираясь на поддержку правящего меньшинства. Однако, говоря об активном меньшинстве применительно к российской социологии XIX в., следует отметить, что данный термин тогда не употреблялся. Понимая активное меньшинство так, как оно было определено выше, ученые и мыслители пользовались иными, каждый своим, терминами. Например, Н. Г. Чернышевский называет такого рода людей "особенными людьми", П. Л. Лавров — "критически мыслящими личностями", "деятелями прогресса", "интеллигенцией". Весьма часто содержательный смысл понятия "активное меньшинство" оказывался закрепленным за термином "революционер". Так, П. Н. Ткачев пишет о "революционном меньшинстве", а В. И. Ленин — о "профессиональных революционерах", объединенных в "партию нового типа". В работах же М. А. Бакунина и П. А. Кропоткина вообще отсутствует какой-либо устоявшийся термин для обозначения активного меньшинства. Они говорят просто о "меньшинстве", развитом интеллектуально и нравственно, о "друзьях народа", о "живых силах российского общества" и т. д. Из используемых ими терминов, пожалуй, только один — "энергическая лич-

ность" — этимологически связан с термином "активное меньшинство"¹. Впрочем, несмотря на то, что словосочетание "активное меньшинство" не входило в терминологический словарь ученых позапрошлого столетия, мы находим уместным его употребление применительно к социологическим концепциям дореволюционной эпохи. Оно позволяет объединить в рамках одного направления концепции, авторы которых придерживались близких взглядов относительно природы социальных изменений, но пользовались различной терминологией.

Появление и развитие российских концепций активного меньшинства, на наш взгляд, во многом обусловливается теми взаимоотношениями, которые складывались на протяжении всего XIX в. между властью, обществом и той частью оппозиционных сил, которая к середине века оформилась в мощное революционное движение. Несмотря на то, что с начала XIX в. перед Россией стояла задача крупномасштабных реформ во всех сферах общественной жизни: экономической, политической, социальной и т. п., власти не спешили с их проведением даже под угрозой усиливающегося отставания от передовых стран Западной Европы, которое стало очевидным в ходе Крымской войны 1853—1856 гг. Послед-

¹ В переводе с латинского "activus" означает "энергичный", "деятельный".

ние надежды сторонников модернизации на решение проблем "сверху" рухнули в 1861 г. "Половинчатость" Крестьянской реформы 1861 г. и последовавшие за ней действия реакционного характера со стороны властей привели к возникновению революционного движения, которое объединило наиболее решительно настроенных приверженцев идеи преобразования российского общества. Признав самодержавие по определению не способным модернизировать страну и даровать ее населению подлинную "свободу", его участники фактически решают оспорить присвоенную себе государством монополию на реформаторскую деятельность и взять дело преобразований в свои руки. Отныне они рассчитывают только на себя и, в меньшей степени, на поддержку "народа" (т. е. крестьянства), который виделся им обманутым в своем ожидании "полной воли" и преданным царем. Власть негативно восприняла активизацию деятельности сторонников дальнейших преобразований. Ответом на начатую ими в том же 1861 г. агитационную кампанию стали репрессии и постепенное сворачивание реформ что, однако, вызвало лишь эскалацию внутривнутриполитического конфликта и повлекло за собой радикализацию средств борьбы, используемых с обеих сторон.

С течением времени стали таять и надежды на народную поддержку. "Обманутый и преданный" народ предпочитал безмолвствовать и в 1860-е, и в 1870-е годы, и в последующие десятилетия. Периодические вспышки его протестной активности были продиктованы скорее социально-экономическими причинами, нежели воздействием со стороны "революционеров". Разочаровавшись в революционном потенци-

але народных масс, участники движения осознали себя единственной силой, способной "обустроить Россию", провести необходимые преобразования и ввести ее в число передовых европейских стран.

В условиях жесткого противостояния с государством происходило становление социальной идентичности участников революционного движения. Отметим четыре наиболее важные, на наш взгляд, ее составляющие. Во-первых, в сознании участников движения сформировались три базовых социальных стереотипа, представляющих основных действующих лиц преобразовательного процесса: 1) *враждебные свободе и прогрессу силы*, институциональным выражением которых считались "несправедливые общественные формы", "бюрократический порядок", "самодержавие", "государство", а персонификацией — император и члены его семьи, "верхи" общества (помещики; позднее, буржуазия), работники бюрократического аппарата и силовых ведомств; 2) *субъекты "освобождения"* — передовые люди, выходцы из любого сословия, т. е. сами участники революционного движения и 3) *объект освобождения, "народ"* — ущемленные в экономическом и правовом отношении слои населения (крестьянство и, позднее, промышленные рабочие).

Во-вторых, неперенными качествами участника революционного движения, субъекта "освобождения", считались социально-политическая активность, нравственное и интеллектуальное превосходство над остальными членами общества, искренняя любовь к "народу" и самоотверженная преданность "делу прогресса", уверенность в правоте своих убеждений. Обладание этими качествами рассматривалось как до-

статочное основание для вынесения оценочных суждений относительно деятельности представителей законной власти, социально-политического устройства российского общества, путей его дальнейшего развития, а также для реализации стремления действовать от имени всего общества или большей его части.

В-третьих, поскольку революционное движение формировалось не на профессиональной, экономической или сословной, а исключительно на идеологической основе, то его участники рассматривали себя как группу, занимающую маргинальное положение в стратификационной и политической структуре российского общества. Последнее воспринималось как признак свободы, духовной и социальной, от воздействия существующего институционального порядка, подавляющего любую новаторскую инициативу.

В-четвертых, участники революционного движения считали себя поистине героями, ведущими неравный, но правый бой со всемогущим Левиафаном ради счастья и свободы других. Идеал героического самопожертвования разделялся большинством из них. Интересно отметить, что преследования со стороны властей лишь способствовали усилению героического ореола "революционеров" как в глазах их соратников, так и в глазах общественности [1].

Российская социальная мысль рассматриваемого периода чутко реагировала на происходившие политические процессы и события. Становление социальной идентичности участников революционного движения, считавших себя единственной реальной силой, способной обеспечить прогрессивное развитие России, сопровождалось все большим распространением идеи актив-

ного меньшинства среди оппозиционно настроенных социальных мыслителей, ставших впоследствии ведущими идеологами революционного движения. Создаваемые последними концепции общественного развития обосновывали правомерность претензий участников движения на активное вмешательство в ход исторического развития российского общества и позволяли рационализировать их социально-политическую активность. Активное меньшинство в этих концепциях постулировалось как единственный источник и главная движущая сила преобразования российского общества.

Исторический контекст, в котором создавались российские концепции активного меньшинства, наложил отпечаток на их специфику. В основу их были положены две базовые идеи: 1) идея прогресса и 2) идея о существенной роли личности в истории². Историческая роль активного меньшинства расценивалась как однозначно прогрессивная, действия официальной власти, напротив, — как консервативные и антипрогрессивные. Противопоставление и противостояние — одна из неперенных черт концепций активного меньшинства, созданных российскими мыслителями второй половины XIX — начала XX вв. Другой их неперенной чертой явилось представление о той группе, чьи интересы берется отстаивать активное меньшинство, т. е. "народе" как о пассивном в социально-политическом отношении, готовом скорее смириться с существованием неудовлетворительных

² Правда, сторонники идеи активного меньшинства, стараясь избежать чистого волюнтаризма, ограничивали свободу его действия, с одной стороны, уровнем развития сознания "народа", с другой — существующим институциональным порядком.

для него социальных институтов, приспособиться к ним, нежели изменить их. Следует отметить, кстати, что вне этого противопоставления, "активное меньшинство — пассивное большинство", само понятие "активное меньшинство" утрачивает свой смысл.

По мнению авторов рассматриваемых концепций, активное меньшинство, власть и "народ" являлись тремя основными участниками исторического процесса, отношения между которыми определяют его протекание. Суть этих отношений представлялась сторонникам идеи активного меньшинства таковой.

Власть — "народ". Официальная власть, а также поддерживаемый ею тип экономических, политических, правовых, идеологических и других институтов утверждаются в качестве основных факторов подавления и угнетения "народа", препятствующих его эмансипации и развитию. Будучи заинтересованной в сохранении статус-кво, она стремится подавлять любые инновационные инициативы, грозящие внести изменения в сложившуюся структуру социальных отношений в обществе. Таким образом, позицию власти можно трактовать как **активную**, точнее, активно-консервативную. Напротив, "народ" пассивен и конформен. Его пассивность и конформность обеспечиваются прежде всего через социализацию, т. е. посредством усвоения практикуемых в обществе социальных отношений, неизменность которых обеспечивается властью. Временами, правда, "народ" проявляет протестную активность: бунтует, восстает, проводит демонстрации, забастовки, митинги и пр. Однако данные формы протеста носят по большей части стихийный и слабоорганизованный характер и не не-

сут в себе требований изменений институциональной структуры общества в целом.

Активное меньшинство — "народ". Поскольку "народ" пассивен, конформен и не способен выступить с собственной преобразовательной инициативой, активное меньшинство, свободное от рутинизирующего влияния существующего институционального порядка, берет на себя выполнение задачи социальных изменений. Оно выступает инициатором и движущей силой процесса изменений, организует и направляет стихийную активность "народа" в "нужное" русло. "Народу" же отводится роль пассивного реципиента и ведомого. Если и допускается какое-то воздействие на активное меньшинство со стороны "народа", то только в плане стремлений первого уяснить для себя его идеалы и потребности второго с тем, чтобы учесть их при выработке собственной программы действия. Но и в этом случае активная позиция остается за активным меньшинством, а пассивная — за "народом".

Активное меньшинство — власть. Суть и характер их взаимодействия обуславливается их отношением к "народу". С позиции официальной власти, деятельность активного меньшинства, выступающего с идеей социальных изменений, юридически квалифицируется как преступная и влечет за собой применение формальных негативных санкций. С позиции активного меньшинства, существующая власть выступает основным препятствием на пути осуществления планируемых преобразований, ибо именно она является основным фактором пассивности, неразвитости, несвободы "народа" и неизменности существующей системы социальных

отношений. Кроме того, власть является силой, враждебной не только "народу", но и самому активному меньшинству, члены которого подвергаются достаточно жестким санкциям с ее стороны. Таким образом, эти два субъекта исторического процесса занимают **активные** антагонистические позиции, ведя борьбу друг против друга и за влияние на большинство.

Разделяя схожие представления об общем характере взаимоотношений официальной власти, "народа" и активного меньшинства, авторы рассматриваемых концепций расходились во взглядах на конкретное проявление этих взаимоотношений в условиях российской действительности второй половины XIX — начала XX вв. В зависимости от того, как каждый из них решал вопросы, относительно степени готовности "народа" к участию в осуществлении социальных преобразований, социального объекта, на который преимущественно должна быть направлена деятельность активного меньшинства, социальной роли, исполняемой активным меньшинством, допустимых к использованию средств воздействия на "народ" и государство, он выдвигал ту или иную модель реализации социальных изменений. В российских концепциях активного меньшинства позапрошлого века можно выделить пять таких моделей: "просветительская", предложенная Н. Г. Чернышевским; "пропагандистская", предложенная П. Л. Лавровым и П. А. Кропоткиным; "агитационная", предложенная М. А. Бакуниным; "заговорщическо-террористическая", предложенная П. Н. Ткачевым; "мобилизационная", предложенная В. И. Лениным (подробнее см. таблицу).

Общими для "просветительской" и "пропагандистской" моделей яв-

ляются следующие положения: "народ" в массе своей не в состоянии сам прийти к выводу о необходимости социальных изменений, даже если его жизнь трудна и полна проблем, его представители способны делать только то, что стало обычаем, превратилось в рутину; основным источником рутины и невежества масс является существующая институциональная структура; освобождение человека из-под власти этой структуры и, в конечном итоге, ее трансформация достигается посредством просвещения; субъектом просветительской деятельности выступает активное меньшинство — наиболее интеллектуально и нравственно развитая часть общества. Различия между "просветительской" и "пропагандистской" моделями заключаются в понимании связи между процессом просвещения и актом трансформации социальной структуры.

"Просветительская" модель

В "просветительской" модели, представленной в работах Н. Г. Чернышевского, упор делается на просвещении. Он не приемлет вариант стихийных социальных изменений, совершаемых невежественными массами, нетронутыми просвещением и исполненными грубых предрассудков [см.: 2, т. 3, с. 494—495], и отождествляет просвещение и социальные изменения: сам процесс преодоления невежества и трансформации ценностно-нормативной структуры личности под влиянием полученных знаний уже включает в себе акт преобразования институциональной структуры общества. Это следует из сути отношений между субъектами и структурами, которые трактуются Чернышевским отнюдь не одно-

значно. С одной стороны, социальные структуры оказываются внешним препятствием для развития личности. Социализируясь, человек интериоризирует имеющиеся в обществе нормы и ценности, а это, в свою очередь, обеспечивает воспроизводство невежества из поколения в поколение.

С другой стороны, социальные структуры сами зависят от людей: "форма держится, пока есть мнение, что она приносит благо... Форма падает не силою своих врагов, а единственно тогда, когда обнаруживается ее собственная беспомощность для общества" [3, т. 5, с. 8], т. е. когда она перестает поддерживаться людьми, ее практикующими.

Однако прежде чем начать "перевоспитываться", общество, вернее, люди его составляющие, должны преодолеть порочный круг, образно сформулированный в "Июльской монархии": "...невозможно для них [французов] стать народом здравомыслящим, пока половина мужчин и почти все женщины находятся у них под влиянием переодетых и не переодетых иезуитов; но избавиться из-под власти иезуитов могут они только тогда, когда станут народом здравомыслящим" [3, т. 7, с. 98]. Вот здесь-то и возникает необходимость в тех, кто, перевоспитавшись сам, помогает другим. Активное меньшинство выполняет роль катализатора процесса превращения людей невежественных в здравомыслящих, "допотопных" в "новых". Просвещая и развивая человека, они создают возможность для проявления его истинной природы, свободной от действия искажающих ее внешних обстоятельств, и разрывают порочный круг. О такого рода людях Чернышевский пишет, что они источник движения, жизни, "без них

она заглохла бы, прокисла бы", они "двигатели двигателей" [4, с. 294].

"Пропагандистская" модель

Для сторонников "пропагандистской" модели П. Л. Лаврова и П. А. Кропоткина характерно смысловое разведение процесса просвещения и акта трансформации имеющейся системы социальных институтов, представляемых исключительно как внешний по отношению к человеку феномен. Следовательно, осознав в результате просвещения всю неудовлетворительность прежних "общественных форм", "народ" должен будет снести их как старый дом, мешающий движению вперед по проспекту прогресса. Но чтобы это произошло и старый порядок был кардинально изменен, "народ" необходимо специально подготовить к акту трансформации, просветить его относительно причин необходимости совершения социальных изменений, сути этих изменений и той роли, которая ему отводится в их реализации. Таким образом, осуществляемая активным меньшинством просветительско-пропагандистская деятельность трактуется как деятельность по мобилизации человеческих ресурсов. За просвещением следует собственно акт трансформации социальной структуры — революция, совершаемая "народом".

Возможны два варианта. *Первый* заключается в том, что большинство вообще не имеет никаких представлений, даже на интуитивном уровне, относительно того, что необходимо изменить и, тем более, как это сделать. В таком случае задача активного меньшинства заключается в *формировании* у него соответствующих мировоззренческих установок, позволяющих его

представителям впоследствии самим сознательно участвовать в преобразовательной деятельности. Данной точки зрения придерживался П. Л. Лавров [5, с. 120].

Второй вариант, нашедший свое отражение в трудах П. А. Кропоткина, состоит в том, что у "народа" есть, пусть даже очень смутные, представления об источниках его социального недовольства, а также "понятие о той перемене, которая произойдет в ближайшем будущем" [6, с. 92]. Тогда активное меньшинство, *отталкиваясь* от общего настроения масс, стремится *лишь облечь имеющиеся у них интуитивные ощущения в более четкую*, прежде всего вербальную, *форму*, или, иными словами, "помочь народу яснее определить истинные причины недовольства... [и] своих действительных врагов" [7, с. 86]. Другая задача активного меньшинства заключается в возбуждении революционной активности "народа", подталкивании его к восстанию посредством агитации действием. Однако такой агитационный прием уместен лишь на последней стадии предреволюционной подготовки. А покуда "народ" к революции не готов, "следует проповедовать, отбирать лучших людей и организовывать их. Другого средства нет" [8, с. 289].

Подготовке к последующему участию "народа" в изменении социальных структур отводится в рамках "пропагандистской" модели центральное место. Несмотря на то, что в конечном итоге социальные изменения направлены против существующей государственной власти и поддерживаемых ею политических, экономических и других институтов, активное меньшинство воздействует на них лишь опосредованно, через массы, которые и

призваны осуществить социальные и политические преобразования.

"Агитационная" модель

Для "агитационной" модели, предложенной М. А. Бакуниным, *во-первых*, характерно представление о "народе" как о потенциальном "революционере", имеющем свой собственный идеал "нового общественного устройства и не требующем существенных мобилизационных затрат. Соответственно, ставка делается на незамедлительную "народно-стихийную революцию", исключаящую путь постепенных преобразований. *Во-вторых*, основная задача активного меньшинства заключается в согласовании усилий всех союзников революции и в объединении разрозненных очагов проявления недовольства в единое всеобщее восстание. Фактически, ему отводится лишь роль организатора, а не идейного наставника и просветителя, ибо революция должна совершаться не только в интересах "народа", но и самим "народом".

Суть различий между "пропагандистской" и "агитационной" моделями заключается в представлениях о "народе" либо как об изначально пассивном, либо как об активном участнике процесса социальных преобразований. Хотя Бакунин, как и сторонники "пропагандистской" модели, ставит знак равенства между понятиями "народ" и "крестьянство", он при этом проводит два различия. Он различает склонность к бунтарству как естественную природную черту народной психологии и "народные" социальные институты, подавляющие эту склонность: "патриархальность", "мир" (общину), "веру в царя" (государство) и "веру в Бога" (церковь). Патриархальность, в трактовке Бакунина, это

традиционная форма семейных отношений, основанная на подчинении старшему мужчине в семье, проецируемая, в конечном итоге, на всю систему властных отношений в обществе. "Мир" — это следующая, после семьи, социальная общность, в которую *включен* человек. Быть включенным в общину означает быть признанным "своим" и, соответственно, быть *включенным в имеющуюся систему социальных отношений*, а значит, и занимать ту или иную социальную позицию, т. е. не быть маргиналом. "Вера в царя" означает *признание легитимности верховной власти* в государстве и доверие к ней. "Вера в Бога" — это, с одной стороны, *внутренний источник конформного поведения*, с другой — ориентация сознания человека на дела духовные и, следовательно, отвлечение от дел мирских. Кроме того, официальная религия еще выполняет и функцию государственной идеологии, *легитимизирующей имеющийся социальный порядок*. Семья, община, государство, церковь — выстраивается целая сеть социальных институтов, обеспечивающих включение индивида в структуру общества. Но поскольку на всех из них лежит печать "патриархальности", все они, склоняя индивида к конформизму, стремятся максимально подавить проявление несогласия с имеющимся статус кво. Именно поэтому основной удар революции должен быть направлен на ликвидацию "всех организаций и учреждений: церквей, парламентов, судов, административных органов, армий, банков, университетов и проч., составляющих жизненный элемент самого государства" [Цит. по: 9, с. 79].

Далее Бакунин различает основную массу "народа", которая нахо-

дится под сильным влиянием вышеуказанных социальных институтов, и те категории населения, на которые власть этих институтов не распространяется. Последние и составляют преимущественных субъектов революционной деятельности. Таковыми он считает прежде всего *разбойников*³, ибо они — "первые бунтовщики, первые революционеры в России" [10, с. 200]. Вторую составляющую социальной базы революции представляет "огромная масса в одно и то же самое время образованных, мыслящих и лишенных всякого положения, всякой карьеры, всякого выхода людей... Семинаристы, крестьянские и мещанские дети, дети мелких чиновников и разоренных дворян" [11, с. 545], другими словами, *бессловная разночинная молодежь*. Таким образом, несмотря на провозглашенный Бакуниным тезис об изначальной готовности народных масс к революционным действиям, оказывается, что реальной революционной силой является лишь небольшая их часть.

В какой-то степени "пропагандистская" и "агитационная" модели дополняют друг друга. Каждый из двух основных типов населения (индивиды, встроенные в имеющуюся стратификационную структуру общества, и всякого рода маргиналы и девианты) требует разных мобилизационных затрат. Встроенность предполагает принятие имеющегося социального порядка, выпа-

³ Бакунин проводил аналогии между активным меньшинством и предводителями крестьянских восстаний Стенькой Разиным и Пугачевым, героями драмы Шиллера "Разбойники" и даже самим Сатаной. К социальному типу "разбойника" он относит также казаков, бродяг, богомолов, бегунов, воров и люмпенов, на поддержку которых может рассчитывать активное меньшинство.

дение же ведет его к неприятию существующего порядка, перманентному недовольству им и к стремлению разрушить то, где человеку не нашлось места. Поэтому так непросто заставить обывателя взяться за оружие и так легко зажечь огонь революции в душе люмпена или "разбойника".

"Заговорщическо-террористическая" модель

Исходный тезис П. Н. Ткачева, придерживавшегося "заговорщическо-террористической" модели реализации социальных изменений, таков же, как и у сторонников "пропагандистской" модели: *"народ" в массе своей состоит из людей средних, неразвитых и невежественных*, близких "по складу своего ума и по образу своей жизни... к состоянию первобытных людей", а посему неспособных ни понимать, ни отстаивать свои интересы. Но дальше начинаются расхождения. Поскольку, рассуждает Ткачев, "по своему умственному невежеству, по своей крайней неразвитости оно [большинство] не может еще возвыситься до понимания коренных причин зла, до абстрактного мышления об основных принципах окружающей его жизни" [12, с. 37], а возвысившись (если это вообще возможно), превратилось бы в людей цивилизованных и не приемлющих *"насильственный, кровавый переворот"*, предпочитающих "пути *бескровных* протестов, дипломатических компромиссов и реформ — пути насилия, пути крови, убийств и грабежа" [12, с. 18], то и нет смысла вообще тратить время и силы на мобилизацию народных масс. Это нецелесообразно.

Следующий тезис Ткачева сближает его, на первый взгляд, с у-

тверждением "агитаторов" о том, что "народ" потенциально *готов* к революционным изменениям, но, продолжает мыслитель, он готов к ним лишь *потенциально*. Дело в том, что народные массы испытывают такой панический страх перед властями, что "он делает их совершенно неспособными... ни к борьбе, ни даже к пассивному протесту" [10, с. 436—437]. Следовательно, действия, направленные на возбуждение революционного аффекта в народе и его мобилизацию, скорее всего окажутся безрезультатными. Поэтому сознательное и решающее участие "народа" в революционном движении объявляется фактически невозможным. Он может быть, в лучшем случае, лишь ведомым.

Раз "народ" исключается из числа субъектов социальных изменений, значит ставка должна быть сделана на иного субъекта преобразовательной деятельности. Таковым Ткачев считает "революционное меньшинство", имеющее интеллектуальное и нравственное превосходство над "народом" и, соответственно, обладающее естественным правом иметь над ним власть. Выбирается и иной социальный объект воздействия со стороны активного меньшинства — политические институты общества и индивиды, занятые в них. Иным оказывается и порядок революционных действий: сначала "мы (т. е. революционное меньшинство)... должны... расшатать, ослабить, уничтожить... [старый] политический строй, консервативное... государство" [10, с. 356], и только после захвата политической власти и установления "диктатуры революционного меньшинства" можно приступить к изменению институциональной структуры общества, декретировав установление "нового" социаль-

ного и политического порядка. Участие "народа" в созидании "нового" общества либо вообще не предполагается, либо оно *используется* революционным меньшинством в качестве бессознательно действующей разрушительной силы.

Захват власти предшествует *систематический политический террор*. Он должен быть направлен на наиболее влиятельных и высокопоставленных представителей власти и имеет целью дезорганизацию государственных структур перед захватом власти. Параллельно с террористической подготовкой "революционное меньшинство", объединенное в жестко централизованную партию, организует заговор с целью захвата власти. Заговор считался оправданным с тактической точки зрения в том случае, когда государство оказывалось "висящим в воздухе", по образному выражению Ткачева, т. е. не имеющим крепкой опоры в каком-либо социальном слое (классе) и существующим лишь за счет грубой силы. Задача захвата власти еще более упростилась бы в случае неудачных военных действий и/или крупномасштабного народного восстания. В результате успешного переворота "революционное меньшинство" получило бы возможность беспрепятственно вести пропагандистскую и просветительскую работу в "народе", направленную на изменение его менталитета и ценностно-нормативных ориентаций.

"Мобилизационная" модель

В основе "мобилизационной" модели, сформулированной В. И. Лениным, лежит идея захвата власти революционным меньшинством, объединенным в партию, дополненная идеями народной пропаганды и

народной революции. Предлагаемый им сценарий революционных изменений базируется на двух постулатах: 1) "коренной вопрос всякой революции есть вопрос власти в государстве" [13, т. 20, с. 94], и 2) "борьбу должна вести... революционная партия, *опирающаяся на рабочее движение* [курсив мой. — Н.О.]" [13, т. 2, с. 189], т. е. на широкие народные массы в противовес заговорщической стратегии. Соответственно, объектами воздействия со стороны активного меньшинства выступают одновременно и "народ", и власть.

Применительно к ленинской концепции революции термин "народ" имеет двоякий смысл. С одной стороны, Ленин практически во всех своих работах подчеркивает тесную связь активного меньшинства (социал-демократической партии) прежде всего с *рабочим движением*. С другой стороны, "не отделяя социал-демократии от рабочего движения", он призывает к поддержке "всякого революционного движения против существующего... государственного строя" [13, т. 4, с. 10], к привлечению на свою сторону выходцев из других, нерабочих классов, что влечет за собой значительное расширение социальной базы и число потенциальных союзников революционного движения, позволяя активному меньшинству совершать "натиск на правительство от имени всего народа", т. е., фактически от имени всего общества в целом. Источник отмеченной двойственности кроется в характеристиках, приписываемых основному революционному классу — пролетариату. В представлении Ленина, пролетариат — это многочисленная мобильная и солидарная масса, экономически обездоленная и лишенная "самых простых граж-

данских прав", которая, следовательно, мало заинтересована в сохранении имеющихся институтов и культурных традиций общества. Однако неудовлетворительное социально-экономическое положение пролетариата, будучи одним из основных источников его протестной активности, в то же время ограничивает сферу проявления этого протеста борьбой за улучшение его экономического положения, направленной против его экономических врагов — капиталистов. Такого рода борьбе, основанной исключительно на конфликте классовых интересов, Ленин дает название "тред-юнионизм".

Тред-юнионизму, или тред-юнионистскому сознанию Ленин противопоставляет сознание социал-демократическое, выводимое им из осознания антагонизма между обществом в целом (всеми классами и слоями) — угнетенной стороной, и государством (самодержавием) — угнетающей стороной. Если первый тип сознания стихийно возникает в среде того или иного класса или слоя, то второй может быть привнесен только извне, ибо его выработка возможна лишь при условии "выхода" за рамки узкоклассовых интересов и анализа всей картины взаимоотношений государства и общества в целом. Социал-демократическое сознание, в противовес тред-юнионистскому, способствует объединению всех классов и слоев общества против государства на основе единого идентификационного признака — факта подавления (угнетения). Источником формирования такого рода сознания, выступающего основополагающим фактором всеобщей мобилизации против государства, Ленин считал "социал-демократическую интеллигенцию", объединяющую в себе выходцев из

любого социального слоя (сословия) и занимающую неопределенное положение в стратификационной структуре общества. Перед ней как перед носителем социал-демократического сознания стояли две первоочередные задачи: 1) "руководить... борьбой пролетариата и организовывать эту борьбу" [13, т. 2, с. 182], а также "внедрить социалистические идеи и политическое самосознание [читай: социал-демократическое сознание] в массу пролетариата" [13, т. 4, с. 57]; 2) реагировать на "все случаи и проявления политического гнета" [13, т. 4, с. 12] со стороны правительственных структур и, следовательно, "идти во все слои населения" с антиправительственной пропагандой и агитацией.

Для успешного решения этих задач необходимо было, во-первых, наладить выпуск общенационального периодического печатного издания, отражающего точку зрения и идеологическую позицию активного меньшинства, для обеспечения "политической агитации в массе"; и, во-вторых, создать, путем объединения разрозненных кружков революционной интеллигенции и революционно настроенных и наиболее активных сил пролетариата, единую централизованную общенациональную партию, призванную стать авангардом революционного движения. Естественной моделью для построения партии стали силовые институты, прежде всего — армия. Следуя этой модели, Ленин настаивал на превращении революционной деятельности в профессию. Только такая партия "профессиональных революционеров", отстаивающая интересы наиболее революционной части членов общества и в то же время организующая и мобилизующая все общество,

смогла бы, по мнению Ленина, успешно противостоять организованной силе государства в борьбе за

власть. Нельзя сказать, что его модель социальных изменений была опровергнута практикой.

Таблица

Модели реализации социальных изменений в концепциях активного меньшества

	Степень осознанности большинством необходимости социальных изменений	Социальный объект, на котором сфокусирована деятельность активного меньшинства	Социальная роль, исполняемая активным меньшинством	Используемые средства воздействия
"Просветительская" модель (Н. Г. Чернышевский)	Большинство не способно само прийти к выводу о необходимости социальных изменений. Оно консервативно и предпочитает мириться с существующем положением дел.	Все члены общества.	Учитель, просветитель, публицист.	Все виды просветительской деятельности (обучение грамоте, развитие университетского образования, организация кружков самообразования, публицистическая и литературная деятельность и т. д.)
"Пропагандистская" модель (П. Л. Лавров, П. А. Кропоткин)	Большинство не способно само прийти к выводу о необходимости социальных изменений. Оно консервативно и предпочитает мириться с существующем положением дел.	Трудящееся большинство, народ, эмпирическим эквивалентом которых являлось крестьянство.	Просветитель, идейный руководитель, пропагандист	Просветительская деятельность, письменная и устная пропаганда, все виды агитации, в том числе и агитация действием.
"Агитационная" модель (М. А. Бакунин)	Большинство изначально готово к изменениям. Пусть и интуитивно, но оно осознает их необходимость.	Городская и деревенская беднота (люмпен-пролетариат), уголовные и преступные элементы, бессловная учащаяся молодежь, религиозные и национальные меньшинства.	Агитатор, организатор народного восстания.	Агитация и организация всеобщего восстания.
"Заговорщико-террористическая" модель (П. Н. Ткачев)	Будучи потенциально готовым к изменениям, большинство предпочитает мириться с существующим положением дел. В силу этого, оно не способно на самостоятельное проявление преобразовательной инициативы.	Правительственные структуры и представители власти.	Заговорщик, террорист.	Систематический политический террор, политический заговор революционного меньшинства.
"Мобилизационная" модель (В. И. Ленин)	Представители тех или иных социальных классов и слоев осознают свои узкоклассовые интересы, но не в состоянии осознать антагонизм между властью и обществом.	1. Основной объект воздействия - классы и слои населения, не имеющие собственности на средства производства (пролетариат, деревенская беднота). 2. Все остальные оппозиционно настроенные слои и группы населения. 3. Правительственные структуры.	Руководитель (предводитель) народных масс, а также пропагандист, агитатор и организатор.	Пропаганда, агитация, государственный переворот с целью захвата власти. Возможны террор и экспроприации в случае их целесообразности.

Появление российских концепций активного меньшинства было обусловлено скорее политическими, нежели собственно научными причинами, и они, конечно, во многом явились продуктом своего времени, тех условий, в которых довелось жить их авторам. И все-таки, как нам кажется, для современных ученых они представляют не только исторический интерес. Во-первых, эти концепции могут быть рассмотрены как один из вариантов критической социальной теории и, если подходить более широко, отражения в социологической теории такого явления, как интеллигентский протест против "системы". Во-вторых, поскольку существование активного меньшинства не связано с каким-либо определенным типом общества, то предложенный российскими мыслителями вариант решения проблемы источников и движущих сил социальных изменений, делающий акцент на субъективном факторе, может быть востребован и сегодня. Социальные движения и социальная мобилизация, терроризм и разного рода конфликты, революции, партии и организации, не встроенные в политическую структуру общества, и возникновение новых субкультур — при изучении всех этих социальных феноменов обращение к активному меньшинству как объяснительной категории может оказаться вполне оправданным и результативным. То же можно сказать и о моделях реализации социальных изменений, разработанных авторами рассмотренных концепций активного меньшинства. Эти модели могут быть использованы для описания собы-

тий, происходящих в XXI в. (Особо выделяется в этом отношении "заговорщическо-террористическая" модель.) Таким образом, несмотря на то, что со времени создания российских концепций активного меньшинства второй половины XIX — начала XX вв. прошло более ста лет, они сохраняют свой эвристический потенциал и по сей день.

ЛИТЕРАТУРА

1. Могильнер М. Мифология "подпольного человека": радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999.
2. Чернышевский Н. Г. Избранные философские сочинения: В 3 т. М., 1950—1951.
3. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1939—1951.
4. Чернышевский Н. Г. Что делать? М., 1997.
5. Лавров П. Л. Задачи понимания истории. СПб., 1903.
6. Кропоткин П. А. Речи бунтовщика. Пб., М., 1921.
7. Революционное народничество 70-х гг. XIX в. М., 1964. т. 1.
8. Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1966.
9. Полонский В. Тайный интернационал Бакунина // Михаил Бакунин: 1876—1926. Сб.: Неизданные материалы и статьи. М., 1926. С. 67—92.
10. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / Под ред. Е. Л. Рудницкой. М., 1997.
11. Бакунин М. А. Письмо М. А. Бакунина к С. Г. Нечаеву 2-го июня 1870 // Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 527—568.
12. Ткачев П. Н. Задачи революционной пропаганды в России (Письмо к редактору журнала "Вперед!") // Ткачев П. Н. Сочинения: В 2 т. М., 1976. Т. 2. С. 7—42.
13. Ленин В. И. Сочинения. Изд. третье. М., Л.: Государственное издательство, 1926—1929.

Natalia Orlova in her book "At the Edge of Political Struggle and Social Theory: Russian Concepts of Active Minority of the late 19th and early 20th century" studies some aspects of social change in the concepts of Russian social thinkers of the past.